

С. А. Фомичев

ПУШКИНСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА

ЗНАК
Москва
2007

ПРОЗА ПУШКИНА (НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП И ПЕРСПЕКТИВА ЭВОЛЮЦИИ)

Вопрос об эволюции пушкинской прозы сам по себе проблематичен. Еще П. В. Анненков заметил:

Несомненно, что по тону рассказа «Арап Петра Великого» и «Капитанская дочка» так схожи, как будто написаны вместе, хотя их разделяет 9 лет. Так с первого раза нашел Пушкин свой оригинальный стиль, чего другие не находят всю жизнь...¹

Тезис этот развит в книге А. З. Лежнева, который утверждал:

Пушкин обратился к прозе поздно. Его первые статьи появились в 1825 году. Его первая повесть написана в 1827 году, да и та осталась незаконченной. (...) Все это говорит как будто за то, что проза давалась Пушкину нелегко, и он потому так поздно пришел к ней, что период ее выработки растянулся во времени. Естественно было бы ожидать, что первые опыты резко отличаются от зрелой манеры. На деле это не так. Стиль своей прозы Пушкин нашел сразу².

¹ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 193.

² Лежнев А. Проза Пушкина. Опыт стилистического анализа. М., 1937. С. 11–12.

Несмотря на ряд аналитических попыток понять закономерности развития пушкинской прозы, предпринятых в монографиях последних десятилетий³, вопрос этот нам представляется лишь намеченным как одна из актуальнейших задач пушкиноведения, но далеким даже от предварительного разрешения.

Обратим внимание прежде всего на то, что наряду со стабилизирующим формальным признаком стиля (точнее — слога) проза Пушкина исключительно разнообразна по содержанию. В самом деле, она составляет большую часть творческого наследия Пушкина и подразделяется на художественную, историческую, публицистическую, литературно-критическую, мемуарную, эпистолярную, афористическую. В каждом из этих подвидов — чрезвычайно развитая система жанров. Так, его автобиографическая проза вбирает дневники, мемуары (записки), «мысли и замечания», «разговоры», «опыты отражения нелитературных обвинений», путешествия. Да и собственно художественная проза Пушкина обнаруживает признаки прозы исторической, публицистической и проч. — настолько, что подчас (особенно это касается незаконченных набросков) мы оказываемся перед неразрешимой дилеммой, в какой раздел его собрания сочинений поместить то или иное произведение. С другой стороны, жесткая издательская рубрикация затемняет отчасти картину единой эволюции.

Во всех работах, рассматривающих эволюцию пушкинской прозы, с неизменным постоянством звучат два утверждения, которые, несмотря на их кажущуюся самоочевидность, оказываются, тем не менее, некорректными. Одно из них сводится к тому, что первым завершенным опытом повествовательной прозы Пушкина считают «Повести Белкина», а самое ее начало (исключая ранние, ученические

³ См.: *Степанов Н. Л.* Проза Пушкина. М., 1962; *Сидяков Л. С.* Художественная проза Пушкина. Рига, 1973; *Петрунина Н. Н.* Проза Пушкина (пути эволюции). Л., 1987; *Гей Н. К.* Проза Пушкина. Поэтика повествования. М., 1989.

опыты) видят в романе о царском арапе. В основе второго постулата лежит мнение, что в теоретическом осмыслении принципов прозы Пушкин намного опередил свои первые практические шаги в этой области; здесь имеется в виду заметка «О прозе» (1821), где вся «теория» сводится к афоризму:

Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат (XI, 19).

Между тем хорошо известно, что на самом деле первым серьезным опытом Пушкина-прозаика стали его автобиографические записки, начатые в 1821 году и перебеленные в 1825⁴, но дошедшие до нас в немногих фрагментах, так как были уничтожены поэтом в ожидании жандармского обыска⁵. «Они могли замешать многих и, может быть, умножить число жертв, — позже свидетельствовал поэт. — Не могу не сожалеть о их потере: я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровенностью дружбы или короткого знакомства» (XII, 310).

Нельзя сказать, что и этот пушкинский замысел был обойден вниманием исследователей⁶. Но вопрос о возмож-

⁴ В письме к П. А. Катенину (сентябрь 1825 года) Пушкин писал: «Стихи покамест я бросил и пишу свои mémoires, то есть, переписываю на бело скучную, сбивчивую, черновую тетрадь {...}» (XIII, 225).

⁵ П. В. Нащокин, со слов поэта, рассказал о последних часах его михайловской ссылки: «...нарочный прискакал к Пушкину. Он в это время сидел перед печкою, подбрасывал дров, грелся. Ему рассказывают о приезде фельдъегеря. Встревоженный этим и никак не ожидая чего-либо благоприятного, он тотчас схватил свои бумаги и бросил в печь: тут погибли его записки...» (Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. С. 225–226).

⁶ *Фейнберг И. Л.* Читая тетради Пушкина. М., 1985. 3-е изд.; *Левкович Я. Л.* Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988; *Козмина Л. В.* Автобиографические записки А. С. Пушкина 1821–1825 гг. Проблемы реконструкции. М., 1999.

ном составе уничтоженных записок и их судьбе заслонила куда более принципиальную проблему — о значении этого произведения в общей творческой эволюции писателя, и прежде всего в эволюции пушкинской прозы.

Сама же заметка «О прозе» возникла в несомненной связи с его мемуарами, так как записана во Второй кишиневской тетради (ПД 832, л. 9 об. — 11 об.), более половины листов которой вырвано в связи с «чисткой» рабочих тетрадей, содержавших черновые фрагменты записок. Заметка обрывается буквально на полуслове: «Вопрос, чья проза лучшая в нашей литературе? Ответ — Карамзина. Это похвала не большая — скажем несколько слов об сем почтен...».

Следующая страница в тетради — очевидно, с критической характеристикой прозы Карамзина — вырвана. Но в одном из сохранившихся фрагментов записок мы находим ту же мысль об ущербности перифрастического стиля. Говоря о реакции публики на первые тома «Истории государства Российского», Пушкин вспоминал:

Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина. Римляне времен Тарквиния, не понимающие *спасительной пользы самодержавия*⁷, и Брут, осуждающий на смерть своих сыновей, *ибо редко основатели республики славятся нежной чувствительностью*, — конечно были очень смешны. Мне приписали одну из лучших русских эпиграмм; это не лучшая черта моей жизни (XII, 306).

Едва ли можно сомневаться, что под «некоторыми остряками» Пушкин имел в виду себя, о чем убедительно свидетельствует «лучшая русская эпиграмма», в которой речь идет о том же и которая-таки была написана именно Пушкиным:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастья

⁷ Курсив в цитате Пушкина.

Необходимость самовластья
И прелести кнута (XVII, 16).

Сохранились подневные записи Пушкина 1821 года. 2 апреля он отметил:

Говорили об А. Ипсиланти; между пятью греками, я один говорил как грек — все отчаявались в успехе предприятия *Этерии*. Я твердо убежден, что Греция восторжествует, а 25,000,000 турков оставят цветущую страну Еллады законным наследникам Гомера и Фемистокла (XII, 302).

Неделей позже записано:

9 апреля, утро провел я с Пестелем, умный человек во всем смысле этого слова. «Mon coeur est matérialiste, говорит он, mais ma raison s'y refuse»⁸. Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. (XII, 303).

Уже эти заметки исподволь намечали исторический масштаб пушкинских мемуаров. Вступлением к ним должны были служить «Некоторые исторические замечания», первая главка которых («По смерти Петра...») содержала стремительный очерк политической истории России «века минувшего». Во второй предполагалось, по-видимому, охарактеризовать «дней Александровых прекрасное начало»; от нее сохранился лишь небольшой фрагмент, процитированный Пушкиным в его статье «О г-же Сталь и г-не А. М-ве» (1825):

Читая ее книгу «Dix ans d'exil» можно видеть ясно, что, тронутая ласковым приемом русских бояр, она не высказала всего, что бросалось ей в глаза⁹. Не смею в том укорять

⁸ Сердцем я материалист, но мой разум этому противится (*фр.*).

⁹ «Речь идет о большом обществе Петербургском, прежде 1812 года» (*Примеч. Пушкина*). Откровенные высказывания на этот счет содержатся в пушкинском «Отрывке из неизданных записок дамы» (1811 г.), напечатанном в «Современнике» (1836. № 3) с подзаголовком «Перевод с французского».

красноречивую, благородную иноземку, которая отдала полную справедливость русскому народу, вечному предмету невежественной клеветы писателей иностранных¹⁰ (XI, 271).

Давно замечено также, что в черновике записки «О народном воспитании» (1826), которую Пушкин писал по поручению Николая I, предполагались некоторые вставки, и в каждом случае здесь помечено: «из записок», а один раз даже конкретнее: «из записок 2 гл.»

Вот что сказано в белой рукописи в развитие данной пометы:

Лет 15 тому назад молодые люди занимались только военною службою, старались отличиться одною светскою образованностию или шалостями; литература (в то время столь свободная) не имела никакого направления; воспитание ни в чем не отклонялось от первоначальных начертаний. 10 лет спустя мы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания, разговор исключительно политический; литературу (подавленную самой своенравною цензурою), превратившуюся в рукописные пасквили на правительство и возмутительные песни; наконец, и тайные общества, заговоры, замыслы более или менее кровавые и безумные (XI, 43).

Если мы переведем этот пассаж с благонамеренного языка официального документа на либеральный, то, наверное, и получим абрис автобиографических записок Пушкина, посвященных преддекабрьским годам.

В письме к Вяземскому, написанном в ноябре 1825 года, Пушкин обронил такое, на первый взгляд, странное замечание:

¹⁰ «Вряд ли можно сомневаться, что автором цитируемой рукописи был он сам (Пушкин) и что здесь мы имеем дело с невинной мистификацией, что было в нравах Пушкина» (Томашевский Б. В. «Кинжал» и m-me de Staël // Пушкин и его современники. Вып. 36. Пг., 1923. С. 85).

Зачем ты жалеешь о потере записок Байрона? чорт с ними! слава богу, что потеряны. Он исповедался в своих стихах, невольно, увлеченный восторгом поэзии. В хладнокровной прозе он бы лгал и хитрил, то стараясь блеснуть искренностью, то марая своих врагов (XIII, 243).

Необходимо понять, о каких «Записках» Байрона идет речь. При известии о гибели поэта по настоянию вдовы издателем были уничтожены мемуары, посвященные истории женитьбы Байрона, разладу с женой и тем гонениям, которые заставили его навсегда покинуть родину. Как можно было догадаться, записки эти были написаны в жанре интимных откровений (в духе «Исповеди» Руссо), которые дальше Пушкиным и упоминаются: «Толпа жадно читает исповеди...».

Становится понятным, что, приступая к своим запискам, Пушкин следовал не за «Исповедью» Руссо с ее установкой на самоанализ, на откровенное (подчас шокирующее) повествование о личной жизни. И здесь нужно вспомнить, что в пушкинское время подлинного расцвета достигли иные мемуары, о которых В. Г. Белинский писал: «К числу самых необыкновенных и самых интересных явлений в умственном мире нашего времени принадлежат записки, или *мемуары*. Это суть летописи наших времен (...) и в самом деле, что может быть любопытнее этих записок: это история, это роман, это драма, это все, что вам угодно»¹¹, — и справедливо связывал возникновение этого жанра с бурной эпохой французской революции, обнаружившей тесную связь частного (личного) и исторического бытия человека¹².

Несомненно, в связи с собственными мемуарами, — прочтя в петербургских журналах отрывки из воспоминаний (как выяснилось потом, поддельных) видного политичес-

¹¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1953. С. 159.

¹² В библиотеке Пушкина имелась серия: Collection des Mémoires relatifs à Révolution Française. Т. I—XXIII. Paris, 1821—1825 (см.: Библиотека Пушкина. СПб., 1910).

кого деятеля наполеоновской эпохи Жозефа Фуше, Пушкин писал брату в феврале 1825 года:

⟨...⟩ но, милый мой, если только возможно, отыщи, купи, выпроси, укради Записки Фуше и давай мне их сюда; за них отдал бы я всего Шекспира; ты не воображаешь, что такое Fouché! Он по мне очаровательнее Байрона. Эти записки должны быть сто раз поучительнее, занимательнее, ярче записок Наполеона, т. е. как политика, потому что в войне я ни чорта не понимаю. ⟨...⟩ Читал ли ты записки *Nap. (oléon)*? Если нет, так прочти: это, между прочим, прекрасный роман *mais tout ce qui est politique n'est fait que pour la canaille*, но все, что относится к политике, писано только для черни (XIII, 142–143).

Изучение предварительных набросков пушкинских записок («О... desait en 1820...», «Notres sur revolution d'Ipsylanti», «Notres sur Penda-Deka») позволяет высказать предположение, что мемуары свои Пушкин начал писать по-французски.

Сохранилась заметка, набросанная Пушкиным начерно по-французски в Первой кишиневской тетради (ПД 831)¹³, но впоследствии оттуда им вырванная и ныне сохранившаяся (под отдельным архивным номером ПД 284).

Набросок этот (под редакторским заглавием «О вечном мире») впервые был опубликован, отчасти реконструирован и откомментирован Б. В. Томашевским, который определил смысл пушкинских рассуждений: отклик на мнение Ж. Ж. Руссо о политическом проекте аббата Сен-Пьера¹⁴. Пушкинской заметке посвящено и обстоятельное исследование М. П. Алексеева, осмыслившего ее в широком контексте пацифистских футурологических трактатов XVIII – начала XIX в¹⁵.

¹³ См. факсимильное издание: *Пушкин А. С. Рабочие тетради*. Т. 3. СПб.; Лондон, 1995.

¹⁴ *Томашевский Б. В. Пушкин и Франция*. Л., 1960. С. 135–138.

¹⁵ *Алексеев М. П. Пушкин и проблемы «вечного мира» // Алексеев М. П. Сравнительно-исторические исследования*. Л., 1984. С. 174–220.

Заметка охотно цитируется в пушкиноведческой литературе в качестве яркого свидетельства вольнолюбивых чаяний поэта, но сама по себе, после Б. В. Томашевского и М. П. Алексеева, серьезному анализу не подвергалась. Однако прежде чем поставить ее в контекст пушкинского творчества, совершенно необходимо уточнить как текст чернового наброска, так и перевод его на русский язык. «Сомнения вызывает, — справедливо отмечал М. П. Алексеев, — уже самый текст отрывка, особенно вторая, заключительная его часть. Хотя весь отрывок написан четко, уверенной рукой, но уже на первом листке белой текст с поправками переходит в черновой; так, второе из трех положений, которыми начинается текст, подверглось особенно сильным переделкам и включает в себе ошибку (оно вторично помечено цифрой 1). Дальнейшая запись велась с еще большей поспешностью: Пушкин не только зачеркивал, но и сокращал отдельные слова и фразы. (...) В недописанной строчке на втором листе троеточие, заключенное в скобки, указывает, что она должна была быть пополнена цитатой и т. д.»¹⁶.

¹⁶ Там же. С. 178–179. Нам представляется, что М. П. Алексеев прав, толкуя сокращение «Cr. de proj.» как «critique de project» (то есть «критик проекта» аббата Сен-Пьера). Что же касается намеченной в наброске Пушкина цитаты из Руссо, то мы принимаем конъектуру Б. В. Томашевского, но с некоторой оговоркой: необходимо здесь опустить упоминание о Генрихе IV и его министре, герцоге Сюлли, не идущее к делу; кажется, пропуск в цитате из Руссо был обозначен Пушкиным графически; он пометил подразумеваемую вставку так: «... (...)», — то есть намечал некие изменения в избранной им цитате. Вопрос же о цифровом обозначении трех начальных абзацев решается, на наш взгляд, вполне определенно. Начав свои заметки полшутливым тезисом и обозначив его цифрой 1, поэт решил предварить их серьезным рассуждением общего плана, которое потребовало тщательной черновой отделки. Это рассуждение и было снова помечено цифрой 1. Вслед за ним под цифрой 3 было сходно сформулировано положение, иронически продолжившее первоначальный зачин, в кото-

Особо подчеркнем неудовлетворительность русского перевода пушкинской заметки, предложенного Большим академическим изданием и часто цитируемого в пушкиноведческих работах. Перевод этот в отдельных случаях прямо неверен по смыслу¹⁷, а главное — стилистически утяжелен, что искажает шутливую интонацию пушкинского опуса.

Полезно дать уточненный его перевод в соответствии с высказанными замечаниями:

1. Конституции, которые стали великой — и не единственной — ступенью человеческого духа, предвещают сокращение войск в государстве, так как принцип вооруженной силы прямо противоречит всякой конституционной идее; поэтому весьма возможно, что менее чем через 100 лет уже не будет постоянных армий.

⟨2⟩. Невероятно, чтобы люди со временем не поняли смешного зверства¹⁸ войны, как они разобрались с рабством, королевской властью и т. д. Понятно ведь, что нам нужно лишь есть¹⁹, пить и быть свободными.

3. Для великих же страстей и выдающихся военных талантов всегда найдется гильотина — общество вовсе не склонно любоваться грандиозными замыслами победоносного генерала: немало и других забот, ради которых мы поставили себя под защиту закона.

ром, однако, в силу стремительности записи осталась неисправленной цифра — вместо цифры 1 цифра 2.

¹⁷ Особенно грубая ошибка содержится в переводе фразы: «Они увидят, что наше предназначение — есть, жить (в оригинале — пить) и быть свободными» (XII, 480). Порой эта ошибка усугубляется. Ср., например: «...наше предназначение есть жить и быть свободными» (*Трубецкой Б.* Пушкин в Молдавии. Кишинев, 1976. 4-е изд. С. 86).

¹⁸ Возможно, в таком определении содержалась скрытая цитата из Вольтера, который говорил, что разум дан человеку не для того, чтобы опускаться до уровня зверей, «тем более, что природа не дала ему оружия, чтобы убивать себе подобных, ни инстинкта, побуждающего их сосать кровь» (*Вольтер.* Избранные страницы. СПб., 1913. С. 98).

¹⁹ Сначала здесь Пушкин записал: «нам нужно лишь смеяться».

Руссо, недурной критик проекта, проникательно замечал: «То, что полезно обществу, вводится в жизнь только силой, так как частные интересы почти всегда этому противоречат. Без сомнения, вечный мир в настоящее время весьма нелепый проект (...) воздадим должное этому прекрасному плану, но утешимся в том, что он не осуществлен, так как этого можно достигнуть только средствами жестокими и ужасными для человечества». Ясно, что ужасные средства, о которых он говорил, — революции. Вот они и настали. Знаю, что все эти доводы очень слабы, так как рассуждения такого паренька, как Руссо, не выигравшего ни одной победы, не может иметь никакого веса, — но спор всегда хорош, ибо способствует пищеварению. Впрочем, он еще никого никогда не переубедил.

Далее в автографе следовала еще фраза — «только глупцы думают иначе». Она зачеркнута и вместо нее поставлена помета, указывающая на то, что здесь предполагалась какая-то вставка, нам ныне неизвестная²⁰.

Идея «мира» по воле монархов (в их собственных интересах) представлялась абсурдной женевискому философу. В суждениях Руссо о вечном мире, по наблюдению М. П. Алексеева, логическим центром является мысль о принуждении

²⁰ Датируется пушкинский набросок примерно ноябрем 1821 года, так как в письме Екатерины Орловой к ее брату, Александру Раевскому, от 23 ноября этого года, в частности, отмечено: «Мы часто видим Пушкина, который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах. Его теперешний конек — вечный мир аббата Сен-Пьера. Он убежден, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворят вечный и всеобщий мир и тогда не будет проливаться иной крови, как только кровь людей с сильными характерами и страстями, которых мы называем великими людьми, а тогда будут считать лишь нарушителями общественного спокойствия» (Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. М., 1999. Т. 1. С. 264). Можно понять, почему данный парадокс запомнился супруге боевого генерала, которого Пушкин и задирал. Но в системе изложенных в заметке тезисов эта мысль вовсе не была основной и итоговой.

властителей к прекращению войн: «И тогда не придется более убеждать их, но принуждать, и не нужно писать книги, но подымать дружины»²¹. То есть речь должна идти не о некоем подобии Священного Союза, а о необходимости народовластия — в противовес попыткам, по словам Руссо, «доброго аббата Сен-Пьера — постоянно изыскивать мелкие средства против каждого зла вместо того, чтобы добраться до общего источника зол и посмотреть, нет ли средства исцелить все разом»²².

В том же направлении шел ход пушкинских размышлений. Его заметка о вечном мире впрямую соотносится с наброском (на французском языке) в Записной книжке (ПД 830, л. 40).

O(rloff) disait en 1820: révolution en Espagne, révolution en Italie, révolution en Portugal, constitution par ci, constitution par la ... Messieurs les souverains, vous avez fait une sottise en détrônant Napoléon.

О(рлов?)²³ говорил в 1820 г.: революция в Испании, революция в Италии, революция в Португалии, конституция здесь, конституция там... Господа государи, вы сделали глупость, свергнув Наполеона (XII, 304).

В концовке оды «Наполеон» звучала та же мысль.

Хвала! Ты русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал...

«Эта строфа, — признавался поэт А. И. Тургеневу в конце 1823 года, — ныне не имеет смысла, но она писана в начале 1821 года — впрочем, это мой последний либеральный бред (...» (XIII, 79).

²¹ Цит. по статье М. П. Алексеева. С. 191—192.

²² Руссо Ж. Ж. Педагогические сочинения: В 2 т. Т. I. М., 1981. С. 230.

²³ Мог здесь иметься в виду и декабрист К. А. Охотников.

Мы упоминали уже о том, что пушкинская заметка 1821 года о вечном мире снабжена в конце пометой, предполагавшей некое продолжение. Можно понять, как бы были развиты намеченные здесь мысли, включенные в то время в состав автобиографических записок — указанием на тот же «высокий жребий».

Сам тон чернового наброска оставляет несколько странное впечатление. Это нечто вроде застольной болтовни (Table-talk). Возможно, весь пассаж о Руссо (не отмеченный порядковой цифрой) — это слова не Пушкина собственно, а его собеседника; по крайней мере, ориентация на мнение собеседника, который с высоты своего военного опыта только и мог обозвать женевского философа пареньком и штафиркой.

С какой же целью Пушкину понадобилось в шутивном ключе зафиксировать подобный спор о материях весьма важных и принципиальных?

Всё встает на свое место, если мы вспомним, что именно к 1821 году относится начало работы Пушкина над автобиографическими записками, которые он, вероятно, и предполагал первоначально писать по-французски, так как язык русской «метафизической» прозы был, по собственному признанию, в ту пору для него затруднителен²⁴.

Сохранилась загадочная пушкинская заметка 1822 года:

Только революционная голова, подобная Мир⟨або⟩⟨?⟩ и Пет.⟨ру⟩⟨?⟩, может любить Россию — так как писатель только может любить ее язык. Всё должно творить в этой России и в этом русском языке (XII, 178).

Эту заметку можно истолковать как первый приступ Пушкина к русскому тексту своих записок. С данным высказыванием тесно связаны его сетования на невыра-

²⁴ По справедливому замечанию Г. В. Краснова, в работе над записками «Пушкин шел от проб, от фрагментов, как идет художник к большой картине от этюдов» (*Краснов Г. В. Пушкин. Болдинские страницы. Горький, 1984. С. 123*).

ботанность «метафизического языка», без которого русская литература, по убеждению Пушкина, не выйдет из младенческого возраста.

1 сентября 1822 года, т. е. вскоре после того, как было закончено первое вступление к запискам («По смерти Петра I ...» — XI, 14–17), датированное 2 августа того же года, Пушкин внушает Вяземскому: «Предприими постоянный труд ⟨, пиши⟩ ⟨?⟩ в тишине самовластия, образуй наш метафизический язык ⟨...⟩ Люди, которые умеют читать и писать, скоро будут нужны в России...» (XIII, 44), — несомненно ориентируясь уже на собственные искания в области прозы. «Когда-нибудь должно же в слух сказать, — писал Пушкин ему же 13 июля 1825 г., — что русской метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай Бог ему когда-нибудь образоваться на подобии французского (ясного точного языка прозы — т. е. языка мыслей)» (XIII, 187).

Таковы были истоки пушкинской прозы, многое в общем ее движении определившие.

Показательно, что, исследуя поэтику пушкинской художественной прозы, А. П. Чудаков на основе наблюдений над стилем описаний уверенно замечает:

Устанавливая жанровые истоки пушкинской прозы, будущий исследователь, несомненно, среди первейших назовет жанры событийно-повествовательные по преимуществу — путешествие, хронику, реляцию, летопись²⁵.

Такой стиль, как выясняется, действительно возобладал в прозе Пушкина в процессе его работы над своими мемуарами, в которых собственно «описания» потому и были столь строгие и лапидарны, что они играли подчиненную роль: над ними доминировали «мысли и мысли».

Многие прозаические замыслы Пушкина конца 1820-х годов были, возможно, попыткой сохранить «мысли» уничтоженных записок, и художественная форма данных

²⁵ Чудаков А. П. К поэтике пушкинской прозы // Болдинские чтения. Горький, 1981. С. 63.

произведений представляла собою камуфляж этих идей. Но сами идеи были, с одной стороны, слишком опасными в цензурном отношении, а с другой — неминуемо подверглись у Пушкина определенной ревизии в последекабрьские годы, что и предопределило незавершенность данных замыслов. Особенно это заметно в «Романе в письмах», оставленном в тот момент, когда, наметив условную литературную завязку сюжета, писатель приступил к изложению мыслей о судьбах русского дворянства, которые мы обнаруживаем и в дошедшем до нас вступлении к запискам («По смерти Петра I ...»).

Проза Пушкина навсегда сохранила высокий историко-публицистический потенциал, что особенно заметно, если мы отрешимся от вполне условной (часто слишком жесткой) издательской рубрики «Художественная проза». (Разве, например, «Последний из свойственников Иоанны д'Арк» не несет в себе черты художественной прозы?) Собственно, мы находим лишь одно крупное исключение из этого правила: «Повести Белкина» — произведение принципиально значимое в общей эволюции пушкинской прозы. Если же мы осмыслим видоизменение мемуарного жанра в его творчестве, то появление повестей станет более понятным.

«Одна из причин жадности, с которой читаем записки великих людей, — замечал Пушкин в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» (1827), — наше самолюбие: мы рады ежели сходствуем с замечательным человеком чем бы то ни было, мнениями, чувствами, привычками — даже слабостями и пороками. Вероятно больше сходства нашли бы с мнениями, привычками и слабостями людей вовсе ничтожных, если б они оставляли нам свои признания» (XI, 60). Спустя три года, прослеживая генезис мемуарного жанра в европейской литературе, Пушкин напишет:

После соблазнительных *Исповедей* философии XVIII века явились политические, не менее соблазнительные откровения. Мы не довольствовались видеть людей известных в колпаке и в шлафроке, мы захотели последовать за

ними в их спальню и далее. Когда нам и это надоело, явилась толпа людей темных с позорными своими сказаниями» (XI, 94).

Ориентируясь в своих записках 1821—1825 годов на «политические откровения», т. е. на мемуарную прозу времен французской революции, Пушкин не допускал собственного появления перед будущим читателем «в колпаке и в шлафроке». В конце же 1820-х годов он начал выработать маску мемуариста-обывателя, равного по интеллекту основной массе читающей публики. «Отрывки из писем, мысли и замечания» Пушкин предполагал открыть следующим «Вступлением»:

Дядя мой однажды занемог. Приятель посетил его. «Мне скучно, — сказал дядя, — хотел бы я писать, но не знаю о чем». — «Пиши всё, что ни попало, — отвечал приятель, — мысли, замечания литературные и политические, сатирические портреты и т. под. Это очень легко: так писал Сенека и Монтань». Приятель ушел, и дядя последовал его совету. Поутру сварили ему дурно кофе, и это его рассердило, теперь он философически рассудил, что его огорчила безделица, и написал: нас огорчают иногда сущие безделицы (XI, 59).

Тот же масштаб «мысли» обнаруживается в набросках «Если звание любителя отечественной литературы...» (1827) и «Сердечно радуюсь, что рукопись, которую я имел честь вам препроводить. ..» (1829), в которых уже намечен тип повествователя, родственник Ивану Петровичу Белкину. Начало «Истории села Горюхина» (1830) заставляет вспомнить «Вступление» к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям»: Белкин рассказывает здесь о своих первых литературных опытах — в частности, прозаических. Он тоже находит, что проза «требуется мыслей и мыслей», — и начинает именно с них:

(...) в целые 2 дня надумал я только следующее замечание: «Человек, не повинующийся законам рассудка, и привыкший следовать внушениям страстей, часто за-

блуждается и подвергает себя позднему раскаянию» (VIII, 131–132).

Эта «мысль» в полной мере определяет всю «метафизику» и «Повестей Белкина», каждая из которых может быть воспринята в качестве притчи с данной моралью.

Важно отметить и другое: исторической рамой всех вошедших в цикл повестей служит то же самое пятнадцатилетие, которое стало материалом пушкинских автобиографических записок. Некоторые исторические события тех лет (пожар Москвы, окончание войны с Наполеоном, битва при Скулянах) упоминаются на периферии белкинских сюжетов, всегда точных в хронологических указаниях. Но в то же время повести почти бессобытийны исторически. В них отражена поистине провинциальная жизнь, заставляющая вспомнить реплику Владимира из «Романа в письмах»: «⟨...⟩ для них не прошли еще времена Ф.⟨он⟩ Визина. Между ими процветают Простаковы и Скотинины! (VIII, 53)». Ср. эпиграф к «Повестям Белкина»:

Г - ж а П р о с т а к о в а. То, мой батюшка, он еще сызмала к историям охотник.

С к о т и н и н. Митрофан по мне.

Казалось бы, только в эпиграфах, предпосланных белкинским побасенкам, и заявлен их подлинный автор (издатель). На самом деле, конечно, сюжеты массовой литературы (а именно таковым подвластен бесхитростный Белкин) инструментированы Пушкиным довольно искусно. Показательна в этом отношении творческая история повести «Выстрел». 12 октября 1830 года Пушкин предполагал оборвать повествование на первой ее части пометой «Окончание потеряно». Тем самым читателю предоставлялось самому домыслить завершение соперничества Сильвио с графом Б. Понятно, что последний был обречен и, вероятно, потому-то «издатель» и не хотел ставить все точки над і: слишком уж несимпатичным выглядел бы Сильвио, убивающий безоружного соперника. Однако спустя два дня Пушкин нашел парадоксальное сюжетное решение, варьируя

традиционный литературный мотив стрельбы по портрету (род колдовства — с целью вызвать смерть изображенного на картине). Но и это еще не всё. Зачем потребовался эпилог, где изображалась гибель Сильвио в битве при Скулянах? Дело в том, что, прослеживая событийную хронологию повести, мы понимаем, что зацикленный на своем уязвленном самолюбии герой, в сущности, совершил преступление перед отечеством: не рискнул (чтобы наверняка сохранить себя для личной мести) участвовать в антинаполеоновской кампании. Частичным искуплением этого и стало участие Сильвио в акции этеристов, обреченной на поражение.

В сущности, «Повести Белкина» можно представить себе в виде своеобразных мемуаров обыкновенного человека. Рассказчик, не находя ничего значительного в собственной жизни, наполняет свои записки пересказом услышанных им и поразивших его воображение происшествий, невольно стилизуя их под распространенные сюжеты массовой литературы. В самом этом отрешении от собственной личности есть нечто симпатичное. Собственно, единственная характеристическая черта Белкина, которая просматривается в собранных им чужих рассказах, и есть его мысленная тяга к неординарному, противопоставленному скуке одиночества, заурядной поместной жизни.

Ряд исследователей считает, что, согласно первоначальному плану, в состав «Повестей» предполагалось включить повесть под заглавием «Записки пожилого», в которой рассказывалось о новоиспеченном прапорщике Черниговского полка. Если это и так, то не завершенная Пушкиным повесть (сохранились ее зачин и план) тоже заключала бы в себе некое «романтическое происшествие». О восстании Черниговского полка в январе 1826 года (по намеченной в повести хронологии его было не миновать) здесь было бы упомянуто примерно так же, как, например, о московском пожаре 1812 года в повести «Гробовщик» (в связи со сгоревшей будкой Юрко).

Отсюда проистекает двойственность содержания «Повестей Белкина». Взятые отдельно от общего контекста и

генезиса пушкинского творчества, они во многом теряют богатство смысловых обертонов. Недооценка «Повестей» первыми читателями (в том числе довольно проницательными) и последующая их литературоведческая «реабилитация» равно закономерны. Если же говорить о перспективе, обретенной в процессе создания белкинских повестей, то ее следует увидеть в преодолении Пушкиным монологической оценки жизни с позиций указующего «просвещенного разума».

«Обмирщение» прозаической манеры, по сравнению с автобиографическими записками 1821–1825 годов, лишь поначалу принимало формы, близкие к пародии. Тенденция автобиографизма с позиций частного человека проявляется вполне серьезно в замыслах начала 1830-х годов: в «Отрывке из неизданных записок дамы» (так называемом «Рославлеве») и в наброске «В конце 1826 года я часто виделся с одним дерптским студентом...» («Холера») — т. е. в опытах своеобразно отстраненной автобиографической прозы²⁶. Здесь несомненны первые подступы к принципам повествования, в наиболее развитой форме осуществившимся уже в «Капитанской дочке».

Рассказчик этой повести не только силою неожиданных обстоятельств соприкасается с историческими событиями, но благодаря своей простоте, незашоренности по-человечески сочувствует мужицкому царю, несмотря на социальную пропасть, лежащую между ними. В своей «Истории Пугачева» Пушкин не только осознал подлинные размеры этой пропасти, но и остро ощутил катастрофичность современной истории. В последнем пушкинском лицейском послании он скажет:

⟨...⟩ Чему, чему свидетели мы были!
Игралица таинственной игры,
Метались смущенные народы,

²⁶ См.: Краснов Г. В. «Заметка о холере» или замысел «Путешествия» // Краснов Г. В. Болдинские страницы. Горький, 1984. С. 118–142.

И высились и падали цари;
И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари (III, 432).

Из первоначальных набросков зачина повести о Пугачевщине сохранилось два фрагмента, первый их которых относится к 1833 году:

Любезный друг мой Петруша!

Часто рассказывал я тебе некоторые происшествия моей жизни и замечал что ты всегда слушал меня со вниманием не смотря на то что случалось мне может быть в сотый раз пересказывать одно. На некоторые вопросы я никогда тебе не отвечал, обещая со временем удовлетворить твоему любопытству — Ныне решился я исполнить свое обещание — Начинаю для тебя свои записки, или лучше искреннюю исповедь, с полным уверением что признания мои послужат к пользе твоей. Ты знаешь что не смотря на твои проказы, я всё полагаю что в тебе прок будет, и главным тому доказательством почитаю сходство твоей молодости с моею. Конечно, твой батюшка никогда не причинял мне таких огорчений какие терпели от тебя твои родители — Он всегда вел себя порядочно и добронравно, и всего бы лучше было если б ты на него походил — Но ты уродился не в него, а в дедушку, и по моему это еще не беда. Ты увидишь, что завлеченный пылкостью моих страстей во многие заблуждения, находясь несколько раз в самых затруднительных обстоятельствах, я выплыл наконец и слава богу дожил до старости заслужив и почтение моих ближних и добрых знакомых. То же пророчу и тебе, любезный Петруша, если сохранишь в сердце твоём два прекрасные качества мною в тебе замеченные: доброту и благородство (VIII, 927).

Внук рассказчика, как можно понять из этого обращения, находился в «местах отдаленных» отнюдь не за шалости.

Второй набросок предисловия намечался от лица «издателя»:

Анекдот служащий основанием повести нами издаваемой, известен в Оренбургском краю.

Читателю легко было распознать нить истинного происшествия, проведенную сквозь вымыслы романические. А для нас это было бы излишним трудом. Мы решились написать сие предисловие с совсем другим намерением.

[Несколько лет назад в одном из наших Альманахов напечатан был] (VIII, 928)

Последняя, незавершенная фраза имела в виду повесть А. К. (Александра Крюкова) «Рассказ моей бабушки», помещенную в «Невском альманахе на 1832 год». Однако, как недавно было указано Ю. Д. Левиным, пушкинский «рассказ дедушки» мог быть сориентирован и на другое произведение — роман Жоржа Лекуэнта Делаво «Дмитрий и Надежда», где рассказывалось об организованной Пугачевым свадьбе влюбленных друг в друга графини и однодворца (которому, впрочем, были позже пожалованы дворянское достоинство и офицерский чин)²⁷. В своем предисловии Делаво замечал: «Сей роман основан на анекдоте, и соединя в оном вымысел с истинною Историею, цель моя была сделать его занимательным».

В любом случае характерна ориентация Пушкина на подлинный «анекдот».

Выявляя своеобразие поздних (прозаических) «Сцен из рыцарских времен», С. М. Бонди выявляет в них намерение Пушкина «сконцентрировать в самом лаконичном выражении большое историко-социологическое обобщение. И стремительный ход событий в драме, и простота основной интриги, выраженной в двух противопоставленных символах — железные латы рыцарей и порох, взрываю-

²⁷ Левин Ю. Д. Неизвестная параллель к «Капитанской дочке» Пушкина // Россия. Запад. Восток. Встречные течения. К 100-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева. СПб., 1996. С. 326–331. См.: *Dmitri et Nadejda, ou Chateau d'Oural*. Nouvelle russe. Par G'Delaveau. Moscou, 1808. Рус. пер.: Дмитрий и Надежда, или Замок на берегу Урала. Российская новость, соч. Г. Делаво. М., 1808.

ший феодальный замок, и строго определенная, почти схематическая социальная характеристика действующих лиц, и их речи, носящие иной раз характер условных социальных и исторических формул — все это придает сценам известную схематичность, вернее символичность»²⁸.

В поздней художественной прозе Пушкина подобная схематичность преодолевается путем развития анекдотических, на первый взгляд (в сущности, также символических), мотивов. Рассмотрим с этой точки зрения «феномен заячьего тулупчика» в повести «Капитанская дочка».

Предварительно вспомним, что в заметках о дворянстве Пушкин писал:

Что такое дворянство? Потомственное сословие народа, высшее, т. е. награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы. Кем? Народом или его представителями. С какой целью? С целью иметь мощных защитников или близких ко властям и непосредственных предстателей. Какие люди составляют это сословие? Люди, которые имеют время заниматься чужими делами. (...) Нужно ли для дворянства предварительное воспитание? Нужно. — Чему учится дворянство? Независимости, храбрости, благородству (чести вообще). Не суть ли сии качества природные? Так; но образ жизни может их развить, усилить — или задушить. — Нужны ли они в народе так же, как, например, трудолюбие? Нужны, ибо они *la sauve garde* (охрана) трудолюбивого класса, которому некогда развивать эти качества (XII, 205).

Собственно, именно испытание заветами чести (см. эпиграф к повести: «Береги честь смолоду») стимулирует мужание недоросля Петра Гринева. Вырвавшись из-под домашней опеки, Петруша в молодеческом загуле проигрывает крупную сумму гусару Зурину. По законам дворянской чести он обязан этот долг выплатить, а потому грубо приказывает Савельичу отдать сторублевый проигрыш.

²⁸ Бонди С. М. О Пушкине. Статьи и исследования. М., 1978. С. 239–240.

Но чувствуя себя виноватым перед опекуном, Гринев дает слово «без его согласия не располагать ни одною копейкою». На следующий день Савельич отказывается дать полтину вожатому. «Я не мог спорить с Савельичем, — вспоминает рассказчик. — Деньги, по моему обещанию, находились в полном его распоряжении. Мне было досадно однако ж, что не мог отблагодарить человека, выручившего меня, если не из беды то, по крайней мере, из очень неприятного положения. Хорошо — сказал я хладнокровно; — если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь из моего платья. Он одет слишком легко. Дай ему мой заячий тулуп» (VIII, 291).

Если бы дело обошлось полтиной, едва ли (тут же ее пропив) Пугачев запомнил бы молодого барчука и уж во всяком случае не оценил бы любопытных его взаимоотношений с крепостным дядькой. Впоследствии же это не только спасло герою жизнь, но и определило его «странную дружбу» с предводителем крестьянского восстания. «Я не мог не подивиться, — вспоминает мемуарист, — странному сцеплению обстоятельств; детский тулуп, подаренный бродяге, избавлял меня от петли, и пьяница, шатавшийся по постоянным дворам, осаждал крепости и потрясал государством!» (VIII, 329). Заячий тулуп неоднократно еще будет упомянут в повести, давая комическую огласовку нешуточным событиям, а потом Пугачев возместит подарок, подарив Гриневу «шубу с царского плеча» (овчинный тулуп) и удержанную рачительным дядькой полтину (правда, прибранную к рукам казачьим урядником).

Любопытно, что курьезный «счет Савельича» (где был отмечен и тулупчик) не совсем выдуман писателем, а стилизован под подлинный документ, сохранившийся в пушкинских материалах о пугачевщине²⁹.

Такого же рода житейские подробности всегда интересовали Пушкина в работе над историческими трудами:

²⁹ См. скопированный поэтом «Реестр что украдено у надворного советника Буткевича» (Рукою Пушкина. М., 1997. С. 552–553).

яркий, необычный, но подлинный случай позволял зримо представить отдаленную во времени эпоху. Несколько десятков таких анекдотов зарегистрировано Пушкиным в его набросках «Истории Петра».

Приведем из них лишь один: «См. в Голикове, — помечает историк, — разговор его с министром».

Вот что Пушкин в данном случае имел в виду:

Я не могу удержаться, чтоб не внести сюда говоренного министрами нашими сему Шведскому Фельдмаршалу.

— Конец (говорили они), или лучше сказать намерение, всем войнам есть мир.

Но к чему мир служить может, ежели он не не безопасен и постоянен быть не может, пока земли и области перемешаны суть. Ибо сие возбуждает желузию (ревность), и наименьшие поступки, которая одна сторона чинит, натуральным образом другое худое мнение дать имеют. Ибо скоро сия желузия и причины к ней пресекутся, то необходимо истинная и верная дружба воспоследовать имеют. Особливо ежели между обоими потентатами никакой персональной ненависти нет. <...> А насупротив соединение между *Россиею и Швецею* на взаимном интересе основано, и так вечно пребудет...³⁰

Нельзя не увидеть в этой помете давнишних размышлений Пушкина о «вечном мире».

В «Камчатских делах», последнем своем творческом замысле, писатель особо отмечает «пространную повесть», изложенную в «Описании земли Камчатской» С. П. Крашенинникова, — о невероятной судьбе двух японцев, плененных пятидесятником Щетинниковым, об их длительных злключениях, завершенных в Петербурге.

...В 1734 году по указу ее императорского величества отданы они в кадетский корпус иероманахам для учения христианскому закону, а потом сподоблены святого крещения октября 20 объявленного году, в церкви Воскресе-

³⁰ См. комментарии В. С. Листова в кн.: Пушкин А. С. История Петра. М., 2000. С. 371–373.

ния господня, что в кадетском корпусе; и Соза наречен Козмою, а Гонза Даминианом. В 1735 году Даминиан отдан в Александровскую семинарию для обучения российской грамоте, а вскоре потом оба присланы по указу в Академию Наук для учения по рассмотрению Академии. В 1736 году последовал указ, чтоб японцы не токмо российскому языку обучались, но и своего бы не забывали, и для того обучали своему языку малолетних из российского народу, которым к ним определить велено. По которому указу помянутое учение до кончины их и происходило, а скончался Кузьма сентября 18 дня 1736 году на 43 году от рождения; а Даминан в 1739 году декабря 15 дня и погребен первый у церкви Вознесения господня, что на Адмиралтейской стороне, а другой в Калинкиной. Для памяти сего случая, что из столь отдаленного места были люди в России, приказала Академия срисовать их, и снять алебастровые формы, которые в императорской кунсткамере поныне находятся³¹.

Это тоже анекдот, но проясняющий, от противного, духовное устремление Пушкина к тем временам, когда «народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

Творческие искания Пушкина в области прозы могут показаться, на первый взгляд, хаотическими и разнородными. Это отчасти объясняется тем, что именно в этой области Пушкин особенно часто экспериментировал, предвосхищая откровения будущих литературных эпох. Однако, как нам представляется, существовала постоянно действующая тенденция, общая для подавляющего большинства его замыслов. Начав путь прозаика как мемуарист, он в большей степени, нежели какой-нибудь другой писатель, оценил художественную выразительность документов, преломленных через живое отношение личности, этой эпохой сформированного.

Художественный документализм и был тем новым качеством, которое составляло основное направление творческих исканий позднего Пушкина.

³¹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатской. М.; Л., 1949. С. 491–492 (примеч.).